

ПРАВОСЛАВНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ВЕСТНИК ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

основан в ноябре 2005 года

В НОМЕРЕ

Новгородская епископия в конце XI — 1-й трети XII в.

Духовное завещание прп. Феодосия Суморина 1567 г.

Русские жалованные грамоты на Афоне XVI—XVIII вв.

Русские купцы на Святой земле

История духовной семинарии в Полоцко-Витебской епархии

*Архивные источники по истории Синодального архива
(1918—1929 гг.)*

Русский Храм-памятник в Лейпциге в 1930—1940-х гг.

Святая гора Афон в годы Второй мировой войны

3/4(43/44)/2016

МОСКВА

Протоиерей Алексей Томюк

Русский Храм-памятник в Лейпциге в 1930–1940-х гг.¹

В 1930-х гг. русский приход Лейпцига относился к благочинию германских приходов Епархиального управления Западно-Европейского митрополичьего округа. Оно в свою очередь входило в Епархиальное управление православных русских церквей в Западной Европе, которое возглавлял Преподобный Евлогий (Георгиевский). Подчинялся митрополиту Евлогию и русский Храм-памятник, посвященный погибшим в Битве народов воинам. Митрополит Евлогий являлся также председателем законного владельца этого храма — Строительного комитета. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Восточной Европе усилилась новая церковная юрисдикция — Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ), однако ее церковная и общественная деятельность у многих русских в Европе не вызывала одобрения.

Жизнь прихода Храма-памятника в конце 1920-х гг. его настоятель о. Алексей (Недошивин) описывает так: «Храм-памятник в Лейпциге служит духовным потребностям всех проживающих в Лейпциге и в соседних городах — Веймаре, Галле, Ризе и др. — православных христиан, за исключением греков, которые имеют свою церковь. Все службы проводятся для сербов, чехов, болгар, румын и других христиан бесплатно, не взимая приходских взносов, которые платят одни русские граждане. Но сама русская колония в Лейпциге малочисленна»². Во время служб в 1930-х гг. в храме пел хор болгарских студентов под управлением К. Х. Попова.

«В приходскую книгу Храма-памятника, — пишет в другом документе настоятель, — внесено 40 человек. Всего русских в Лейпциге, не считая

© Томюк А., прот., 2016

¹ Начальную историю Храма-памятника в Лейпциге см.: *Томюк А., прот.* Русский Храм-памятник в Лейпциге в 1913 — начале 1930-х гг. // Вестник церковной истории. 2016. № 1/2(41/42). С. 220–230.

² Архив Храма-памятника. Состав прихода, согласно клировой ведомости Лейпцига от 1 апреля 1934 г.: мужчин — 55, женщин — 45, детей — 11, итого: 111 человек.

большевиков, насчитывается 110–120 человек. В обыкновенные воскресные дни в храме на службе бывает до 20 человек. Также вокруг Лейпцига проживает в соседних городах несколько русских семейств, которые время от времени посещают храм. Состав прихода — трудовая интеллигенция, без высшего образования. Большинство имеют заработок в размере прожиточного минимума... Благотворительная помощь проходящим через Лейпциг русским беженцам осуществляется из специально собираемых сумм “на добрые дела”... Детей всего 15 чел[овек]. Половина из них говорит по-русски. Время от времени у меня обучается... Закону Божьему и русскому языку бесплатно... Лютеране относятся к православным и настоятелю доброжелательно, материальной помощи, конечно, не оказывают. Но многочисленные местные немецкие коммунисты не скрывают своего враждебного отношения и при встречах со священником над ним глумятся, узнавая его по внешнему виду. На храм нападений не было, но на Пасху готовилась враждебная демонстрация. Финансовое положение прихода храма... неустойчивое. Однако до сих пор, милостью Божией, все потребности удовлетворялись без займов и долгов»³. Преподавание русского языка детям в приходах того времени, которое вел о. Александр Недошивин (в монашестве Алексий) в 1931 г.— обычное за границей дело. Его преемник о. Мануил запомнился в Лейпциге преподаванием игры на балалайке. Однако о. Александр и о. Мануил ввели в Лейпциге совершение служб по-немецки, что особенно важно было для детей русских эмигрантов⁴.

Труднее всего обстояло дело с сохранением еще не принятого во владение и не выкупленного храма. Вот как описывается состояние Храма-памятника в статье-воззвании Строительного комитета к русским людям: «Величественный русский Храм-памятник... находится со времени войны и до сих пор в чужих руках, несмотря на то что еще в 1928 г. образован при Храме приход и совершаются постоянные богослужения. Квартира при Храме, предназначенная для священника, занята немецкой семьей, здание не ремонтируется и пришло в упадок, хотя еще недавно был произведен капитальный ремонт на средства одного благотворителя (Д. Цимдина, банкира из Дерпта). Водопровод и канализация не действуют, крыша (из цинковых плиток) рассыпается, и стены дают трещины. Фактический владелец Храма, банкир Бюль, обуславливает возврат здания уплатой ему нескольких тысяч марок, израсходованных на охрану и содержание Храма-памятника (точная цифра его издержек может быть установлена при расчете с ним), но русская местная

³ Ответы иеромонаха Алексия (Александра Михайловича Недошивина) на анкету парижской епархии, с вопросами о приходе Храма-памятника в Лейпциге от 20 августа 1930 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

⁴ «Немцы мирно нас довоевывают в молодом поколении, которое не только славянского языка не знает, но русский ломает. Вот, чтобы воспрепятствовать протестантизации наших детей, я сейчас обращаю внимание на службу с немецким языком» — письмо на Валаам о. М. Есенского 1935 г. (Царский путь архимандрита Афанасия Нечаева. Петрозаводск, 1997). См. также: Православное богослужение на немецком языке // Руль (Берлин). 1931. 19 мая, № 3183. С. 6.

колония не в состоянии без посторонней помощи собрать нужную сумму. Время не терпит, потому что г. Бюль грозит разными репрессивными мерами для взыскания своего долга, а Храм не может более находиться в таком беспризорном состоянии. Ввиду этого, с благословения Высокопреосвященнейшего Владыки Евлогия, для выплаты долга Храма и сбора денег образован под его почетным председательством особый Комитет во главе с А. И. Мертенсом (коммерсант из Петербурга) из местных общественных деятелей, церковного старосты и настоятеля Храма»⁵.

После передачи в 1928 г. Храма-памятника Строительному комитету культурная сторона его жизни как привлекательного историко-культурного объекта возобновилась. Он вновь был открыт для посетителей. Комитет нанял смотрителя, занялся популяризацией памятника среди немцев. В начале 1930-х гг. появились путеводители, открытки и частные фото с его видами. Строительный комитет активно искал новых членов, симпатизировавших памятнику. Результатом этой работы стал не только сравнительно быстрый сбор суммы для выкупа и рост популярности Храма-памятника, но и то, что сооружение уже в 1933 г. попало в список значимых памятников архитектуры города.

Встал вопрос о субсидии Строительному комитету на ремонт и содержание храма. Для выкупа памятника в 1931 г. помимо Строительного комитета, были созданы Патронат Храма-памятника в Париже с отделением в Лейпциге, а также Комитет по выкупу Храма-памятника (председатель А. Ф. Мертенс). К 1934 г. Храм был полностью выкуплен из частных рук, а договор о выкупе отослан в Епархиальное управление в Париж⁶. Состояние сооружения, однако, оставалось неудовлетворительным. Впрочем, А. Н. Фену, неоднократно посещавшему обер-бургомистра Лейпцига К. Ф. Герделлера, удалось достичь понимания: поскольку Храм являлся памятником погибшим в Битве народов воинам, городские власти обещали оказать ему посильную помощь. В 1935 г. Храм и его имущество взяло под опеку Управление по охране памятников архитектуры города. Осенью 1936 г. газета «Leipziger Neueste Nachrichten» сообщила о необходимых ремонтах в Храме-памятнике. Средства на его осуществление выделили городские власти. К 1934 г. был урегулирован и вопрос о колоколах храма. Семь колоколов, реквизированных во время Первой мировой войны, оценены в 1300 марок. Взамен храму погасили задолженность по уплате городу земельного налога до февраля 1934 г.⁷

Постепенно к Храму-памятнику пришло признание. В статье «Русский храм» 1934 г. говорится: «Среди достопримечательностей нашего города находится замечательное по своей архитектуре здание — русский Храм-памятник. Эту достопримечательность Лейпцига в туристический сезон посещают не только люди из европейских стран, но и всех стран мира... Для Германии

⁵ «Помогите выкупить Храм. Письмо из Лейпцига». Август 1930 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

⁶ Протокол Строительного комитета № 19, от 7 марта 1934 г. (Там же).

⁷ Протокол Строительного комитета № 17, от 15 февраля 1934 г. (Там же).

этот уникальный памятник истории имеет двойное значение: здесь сохранилось настоящее церковное искусство, тогда как в самой России многие культурно-исторические здания уничтожены, и еще потому, что этот памятник стоит на месте, где русско-немецкое боевое содружество привело к объединению народов Европы»⁸. Без сомнения, культурным событием стало и то, что несколько раз на богослужениях в храме пели казаки. Они же давали концерты⁹.

Первая мировая война, революция и Гражданская война в России, казалось, были далеки от Храма-памятника в Лейпциге. Тем не менее они имели большое влияние на его жизнь и в 1913 г., и в 1920–1930-х гг., и в 1930–1940-х гг. Войны и революция, немецкий плен и эмиграция, радикальные политические идеи и стремления в эти годы волновали русских жителей Лейпцига. Храм выступил не только как место молитвы, но и как место встречи многих русских беженцев и эмигрантов. Обманутые, зачастую ограбленные и изгнанные из России, они не имели больших шансов устроить достойную жизнь в Германии. Растерянные и безнадежные, они собирались в клубы, общества, военные и гражданские союзы. Многие приходили в храм: «Церковь в Лейпциге стала заполняться людьми даже тогда, когда не было службы. Эмигранты обращались к священнику в поисках утешения, обуреваемые ужасом и тревогой, не стоит ли им поискать убежище в иных краях?»¹⁰

В 1930-х гг. в Лейпциге было основано отделение русского эмигрантского движения, Российского освободительного народного движения (РОНД), а затем — дружина Российского национал-социалистического движения (РНСД)¹¹. Продолжительное время, с лета 1933 г., Лейпцигская дружина РНСД собиралась в Храме-памятнике. Среди эмигрантов было немало тех, кто видел в идеологии Гитлера и в будущей войне освобождение. «Эмигранты образовали освободительную армию с сильным национал-социалистическим уклоном... Люди готовились ко дню, в который Гитлер свергнет коммунистический режим в Советском Союзе. Тогда, так они верили, эмигранты смогли бы вернуться на свою любимую Родину и получить обратно всю отнятую у них собственность»¹².

В 1937 г. в Лейпциг переехал видный деятель русской эмиграции С. Н. Романовский, герцог Лейхтенбергский. Он возглавил отделение РНСД и стал членом прихода и членом Строительного комитета Храма-памятника. Его близкий родственник герцог С. Г. Романовский по желанию немецких властей стал членом и, затем, председателем Строительного комитета Храма-памятника.

⁸ Русский Храм // *Neueste Leipziger Nachrichten*. 1934. 30. 12. Dezember.

⁹ Среди прочих, 7 мая 1928 г. в Лейпциге состоялся концерт, а 13 мая — «Казачья панихида» по генералу П. Н. Врангелю (Руль. 1928. 16 мая, № 2270. С. 6).

¹⁰ *Гедда Н.* Дар не дается бесплатно. М., 1983. С. 43–44.

¹¹ С 1930-х гг. в Лейпциге существовали и русские национал-социалистические эмигрантские организации: например, отдел Русского национального управления (РНУ) в Германии. Его уполномоченным в Лейпциге был Г. В. Кривенко (см.: Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции, 1917–1988 гг. СПб., 2005).

¹² *Гедда Н.* Указ. соч. С. 43–44.

16 октября 1938 г. в Лейпциге состоялись торжества РНСД: в связи с 125-й годовщиной Битвы народов при Лейпциге и 25-летием русского Храма-памятника.

В 1939 г. Германия и СССР заключили пакт, и РНСД, как и большинство русских эмигрантских организаций, было формально закрыто немецкими властями. Однако работа Движения продолжалась до 1943 г. Некоторые члены организации воевали в России на стороне Германии. Впрочем, с началом войны идеи «русского нацизма» среди русских эмигрантов в Германии «потеряли привлекательность даже у самых ярых националистов. Люди, именовавшиеся патриотами России, вынуждены были служить на низших ролях у гитлеровцев, которые на практике претворяли все то, что русские нацисты приписывали ненавистным им коммунистам»¹³.

В 1930–х гг. многие русские покинули Германию. 20 июля 1934 г. переехал во Францию архимандрит Алексей (Недошивин), настоятель храма. В ноябре того же года прибыл новый настоятель — celibатный священник Мануил Ессенский (служил здесь до 20 июля 1939 г.), позже епископ РПЦЗ Константин, явный сторонник нацистского режима. Строительный комитет храма, однако, остался на стороне митрополита Евлогия. В 1935 г. в состав Комитета в Париже были избраны новые члены: князь Гавриил Константинович; епископ Херсонесский Иоанн (Леончуков); донской атаман генерал граф М. Н. Граббе; начальник 2-го отдела РОВС генерал А. А. фон Лампе.

Атмосферу, окружавшую Храм-памятник и русских прихожан, описал Н. Гедда: «Осенью 1933 г., когда Гитлер был избран рейхсканцлером, он приехал в Лейпциг. Между нашим храмом и Немецкой библиотекой был тогда огромный луг. Там остановился грузовик Гитлера, и с прицепа фюрер произнес оглушительную пропагандистскую речь. Народ набежал со всех сторон... Мы наблюдали за этим спектаклем из окон квартиры в русском храме. Мои родители никогда не ходили слушать его, в этом не было нужды — громкоговорители имелись в достатке. Никто, у кого были уши, не мог не слышать того, что кричал Гитлер восторженной массе, которая отвечала ему громким “Хайль Гитлер!”. Тогда я ходил в немецкую школу. Каждое утро нас выстраивали во дворе, мы приветствовали флаг поднятой рукой и пели фашистский гимн. Однажды, стоя в ряду, я засмеялся. Тотчас подошел учитель и крепко схватил меня за короткие волосы. Это было больно, и я больше никогда не отваживался смеяться, когда мы приветствовали флаг со свастикой»¹⁴.

В мае 1936 г., на заседании Строительного комитета А. Н. Фену впервые доложил, что епархия епископа Тихона (РПЦЗ) признана юридически немецкими властями и возможны притязания РПЦЗ на храм в Лейпциге¹⁵. Власти внимательно следили за жизнью прихода. В марте 1937 г. псаломщик и смотритель храма М. А. Деминов, член РОВС, напечатал в газете «Голос

¹³ Издательская деятельность политических организаций... С. 50.

¹⁴ Гедда Н. «Дар не дается бесплатно. М., 1983. С. 64.

¹⁵ Протоколы Строительного комитета № 34 от 12 мая 1936 г.; № 35 от 19 июня 1936 г. (Архив Храма-памятника).

России» статью об отношениях России и Германии, после чего был вынужден оставить место службы в храме и покинуть страну. В июле 1936 г. священник М. Ессенский встречался в Берлине с епископом Тихоном и бывшим генералом В. В. Бискупским. Тема «бесед» — переход прихода и Храма-памятника в подчинение РПЦЗ. С той же целью Ессенский посетил и Имперское министерство культов в Берлине, и его сотрудника Гаугга. Ни в приходе, ни в Строительном комитете в Лейпциге, ни в епархии в Париже об этой инициативе Ессенского не знали. Безусловно, эту инициативу никто не одобрил. Однако летом 1937 г. М. Ессенского (и других священников) вновь «пригласили» в Берлин, в то же министерство. Ессенскому рекомендовали перевести приход в Лейпциге в подчинение РПЦЗ, отведя на размышление 3 месяца. Предполагалось, что храмом будет управлять комиссар того же министерства, а власти Третьего рейха храм финансово поддержат¹⁶.

Трудностям храма и прихода были посвящены собрания 1937 г. Строительного комитета в Париже и Лейпциге¹⁷. На заседаниях говорилось о том что отныне храм курирует Имперское министерство культов и Управление по делам русской эмиграции в Германии, а также о том что, возможно, Храм-памятник отнимут у Строительного комитета. На заседании Строительного комитета в Париже 26 августа 1937 г. был заслушан доклад о том, что для управления Храмом-памятником Германское правительство действительно назначит своего комиссара. На заседании Комитета поэтому решили: «Не допускать вмешательства прихода в Лейпциге в управление Храма-памятника, так как они находятся в компетенции Строительного комитета. Уведомить свящ[енника] М. Ессенского, что... митрополит не дает ему... своего благословения на переход из его канонической юрисдикции в подчинение архиепископу Тихону»¹⁸. К тому же, согласно церковному уставу, ни приходской совет, ни приход таких вопросов решать не могли.

12 сентября 1937 г. было созвано экстренное собрание прихода в Лейпциге. Священник М. Ессенский и Г. В. Кривенко предложили приходу перейти в подчинение РПЦЗ. На собрании присутствовал протоиерей С. Положенский, представитель митрополита Евлогия. Священник Ессенский зачитал письмо нацистского правительства о том, что последнее не вмешивается в дела прихода, но все же возражает против участия в собрании «постороннего

¹⁶ Протокол Строительного комитета № 32 от 30 августа 1937 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге). Уже с 1935 г. такой комиссар работал при Окружном управлении в Висбадене. Он управлял имуществом и самим храмом св. Елизаветы, а также следил за лояльностью русских и их духовенства по отношению к властям (*Gaede K. Käte Gaede, Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der 1. Hälfte des 20. Jahrhunderts; Köln, 1989. S. 204–207, 226 ff. Ср.: Шкаровский М. В. Германская епархия во время Второй мировой войны (III): Деятельность православной Церкви на территории «Великого рейха» // Вестник РПЦЗ (Мюнхен). 2000. № 1).*

¹⁷ Протоколы Строительного комитета № 36, 37 от лета 1937 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

¹⁸ Журнал заседаний Строительного комитета в Париже от 26 августа 1937 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

священника» — С. Положенского¹⁹. Однако единственным аргументом в пользу перехода Храма-памятника в юрисдикцию РПЦЗ явилось желание мира среди русских людей в Германии и в Европе. В результате приход остался в юрисдикции Русской Церкви.

18 октября 1937 г. состоялось новое заседание приходского совета, по той же теме, где священник М. Ессенский и Г. В. Кривенко вновь настаивали на подчинении прихода РПЦЗ. Представитель митрополита Евлогия, о. Иоанн (Шаховской) пытался удержать приход в единении с законной Церковью²⁰, однако ему заявили, что вопрос уже решен. 13 января 1938 г. приход в Лейпциге был подчинен РПЦЗ²¹. 27 января 1938 г. на заседании Строительного комитета в Париже священника М. Ессенского исключили из состава последнего, после чего М. Ессенский «переехал в Брюссель», а в Лейпциг прибыл новый священник — Е. Ножин.

14 июля 1938 г. приход в Лейпциге посетил глава РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский). 18 октября 1938 г. в день празднования 25-летия храма и 125-летия Битвы народов в храме впервые возглавил службу Берлинский епископ РПЦЗ Серафим (Ляде). В конце были провозглашены многолетия обоим митрополитам — Анастасию и Евлогию. Епископ Серафим присутствовал на заседании Строительного комитета и был принят в его состав. По сообщению священника М. Ессенского, приход Лейпцига в 1938 г. составлял 50–58 человек²².

Таким образом, вопрос о присоединении Лейпцигского прихода к РПЦЗ был решен. С храмом, однако, дело обстояло сложнее. Несколько лет назад, в 1927 г. власти признали, что Храм-памятник принадлежит Строительному комитету в Париже во главе с митрополитом Евлогием. Тем не менее уже в 1935 г. представитель РПЦЗ справлялся в горсовете Лейпцига о его принадлежности. Поэтому с переходом прихода в РПЦЗ борьба М. Ессенского не закончилась. Протокол № 39 октябрьского заседания Строительного комитета в Лейпциге — это спор Ессенского с А. Н. Фену о праве собственности на Храм-памятник. Ессенский не сомневался, что по новым законам Третьего рейха храм должен перейти в ведение Имперского министерства по делам культов. И при таком переходе Ессенскому обещали «субсидии из Берлина». Но министерство, по его словам, не устраивает состав комитета. В Комитете, да и в приходе, действительно было мало сочувствующих РПЦЗ и идеологии Третьего рейха в целом. На заседании обнародовали письмо М. Ессенского в Париж, где он утверждал, что «большинство Лейпцигского прихода состоит в национальном движении (РНСД)... имеет инструкции на случай, если это дело (передача храма из рук Комитета другому собственнику)

¹⁹ Протокол приходского собрания от 6 января 1937 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

²⁰ Протокол приходского совета от 18 октября 1937 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

²¹ Об этом 13 января 1938 г. вышел указ епископа Берлинского Тихона. См. также: Протокол приходского совета в Лейпциге № 34 от 19 января 1938 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

²² Gaede K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der 1. Hälfte des 20. Jahrhunderts. Köln, 1989. S. 138.

будет разбираться в собрании совета или прихода». Другими словами, члены РНСД в приходе должны голосовать за смену собственника храма. На это заявление член общегерманского РНСД и глава Лейпцигского отделения РНСД С. Н. Романовский заявил, что у РНСД «никакой инструкции по этому вопросу не имеется». Однако трудно сказать, кому можно в этом деле доверять больше: Кривенко и Ессенскому, открыто борющимся за передачу храма в другие руки, или тихому главе РНСД князю С. Н. Романовскому. Потому что в аналогичной ситуации в собрании Строительного комитета 18 мая 1938 г. Романовский письменно просил А. Ф. Лютера голосовать вместо него в спорном деле именно «в духе постановлений РНСД»²³. Поэтому можно предположить, что и в данном спорном вопросе договор голосовать «в духе постановлений РНСД» все-таки существовал, о чем Ессенский нечаянно проговорился²⁴.

Правительство нацистской Германии пыталось насильно передавать русские храмы и их приходы в Германии в руки РПЦЗ²⁵. 11 октября 1937 г. А. Н. Фену доложил Строительному комитету в Лейпциге о своей беседе по делу собственности храма с представителем Имперского министерства по церковным делам В. Гауггом. Последний тоже предложил ему передать право собственника храма приходу РПЦЗ. Фену обещал доложить об этом митрополиту Евлогию²⁶. 23 декабря 1937 г. М. Ессенский вновь обратился в министерство с требованием: «Я готов сразу же перейти к митр[ополиту] Анастасию (главе РПЦЗ), даже без разрешения митр[ополита] Евлогия, если здание Храма-памятника будет передано приходу. Иначе Строительный комитет перестанет пускать прихожан в храм»²⁷. Правда это или вымысел советника министерства, но 27 декабря 1937 г. Гаугг писал в Министерство народного просвещения Саксонской государственной канцелярии: «Лейпцигский православный приход, который состоит под духовным руководством свящ[енника] М. Ессенского и принадлежал до сих пор к евлогианскому направлению, теперь намеревается перейти... по моему распоряжению, в новообразованную епархию. Я покорнейше прошу, на основании прилагаемой копии письма, предпринять со стороны государства все необходимые меры, чтобы реализация принятого при моем участии решения общины не имела препятствий, в частности — чтобы храм не был закрыт для богослужения общины свящ[енника] Ессенского. Копию данного письма я пересылаю в тайную государственную полицию»²⁸.

²³ См. записку С. Н. Романовского А. Ф. Лютеру (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

²⁴ Протокол Строительного комитета № 39 от 1 октября 1937 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

²⁵ См. письмо экзархата в Лейпцигский комитет от 27 августа 1937 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

²⁶ Протокол Строительного комитета № 40 от 11 октября 1937 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

²⁷ Stadtarchiv Leipzig, Kap. 42 0, N 2. Bd. 2. S. 79.

²⁸ Stadtarchiv Dresden, 13 058/44. Bl. 60; Stadtarchiv Leipzig, Kap. 42 0, N 2. Bd. 2. S. 77, 78. См.: Gaede K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der 1. Hälfte des 20. Jahrhunderts. S. 178.

В ответе обер-бургомистру Лейпцига уполномоченный Строительного комитета А. Н. Фену объяснил, что «проведение богослужений для православных верующих по договору от июля 1913 г... из-за вышеупомянутого перехода общины (в юрисдикцию еп[ископа] Тихона) никоим образом не отменяется, т. е. богослужения могут проводиться общиной и в будущем безвозмездно. Однако все обязательства относительно содержания здания по-прежнему принадлежат компетенции законного собственника Храма-памятника, т. е. Строительного комитета, с местом пребывания в Париже»²⁹. Вследствие этого обер-бургомистр заявил в Саксонское министерство народного образования, что «нет причин принимать какие-либо дополнительные меры для доступа в церковное здание и для богослужений упомянутой общины»³⁰.

25 февраля 1938 г. вступил в силу «Закон о собственности Русской Православной Церкви в Германии», в соответствии с которым нацистское правительство передавало храмы и имущество Российской империи или Русской Церкви в юрисдикцию РПЦЗ. Уже через 3 дня, 28 февраля, имперский министр по церковным делам распорядился передать Храм-памятник для пользования приходу или епархии РПЦЗ: «Правовые трудности устраняются законом от 25 февраля 1938 г.» — писал министр³¹. Однако письмо оказалось поспешным. «Правовая трудность» все-таки имелась: Храм-памятник, по признанию в 1927 г. самих немецких властей, находился не в собственности Российской империи или Церкви, а в собственности Строительного комитета, и поэтому не подпадал под имперский закон.

В то же время аргументация Строительного комитета, изложенная еще 27 августа 1937 г. в письме Комитета А. Ф. Фену, была выверена: «1. Подтвердить, что имущество Лейпцигского храма... записано на имя Строительного комитета. 2. Документально показать, что Строительный комитет зарегистрирован законным образом в Париже, и, с т[очки] зр[ения] действующего германского гражданского права, обладает своими правами в Германии подобно тому, как французские общества могут владеть собственностью в Германии и германские общества могут владеть собственностью во Франции. 3. Документально показать, что Строительный комитет не был, так сказать, собственником лишь по имени и праву, а отечески осуществлял эти свои права, и продолжил их осуществлять после войны и революции. Действия комитета как собственника выразились в производстве затрат на храм, его ремонт, выкуп и содержание, в сумме 500 000 фр[анков]. Точная цифра должна быть установлена документально. Суммы, выплаченные кредитору Бюлю (около 100 000 фр[анцузских] фр[анков]) и на ремонт храма (около

²⁹ Fenoult an Oberbürgermeister, am 23. 01. 1938; StADr 13 058/44. Bl. 64.

³⁰ Stadtarchiv Dresden, 13 058/44. Bl. 63. См. *Gaede K.* Op. cit. S. 231.

³¹ Stadtarchiv Leipzig, Kap. 42 0, N 2. Bd. 2. S. 84.

300 000 фр[анцузских] фр[анков], пожертвованных В. Д. Цимдиным³²), и различные другие более мелкие расходы»³³.

Впрочем, тот факт, что митрополит Евлогий все еще оставался председателем Строительного комитета, а реально — желание денег, явились поводом для новых жалоб священника М. Ессенского. 31 мая он и представитель приходского совета на приеме у обер-бургомистра просили: «Желательно все же передать здание русского храма Строительным комитетом церковной общине поскорее... Хотя общине в проведении богослужений в храме препятствий нет, однако она не сможет содержать себя, если ей не пойдут доходы из посещений церковного здания»³⁴. Эти требования поддержали покровители Ессенского — Имперское министерство по церковным делам³⁵.

Летом 1938 г. состоялась встреча в городском совете по поводу урегулирования правового положения храма. Для беседы пригласили обе стороны: от прихода священника М. Ессенского, от Строительного комитета А. Н. Фену; от немецких властей и как председателя на встрече Циммермана из Министерства народного просвещения Саксонии. Позже в городском совете Лейпцига при обсуждении дела Фену заявил, что он охотно сложил бы с себя «обязанности уполномоченного Строительного комитета, если бы нашлась другая организация, которая заботилась бы о сохранении памятника надлежащим образом. Это могло бы быть также и германское государство. Само собой разумеется, он выступил бы и за то, чтобы влияние Парижа полностью исключилось, и центр Строительного комитета был бы перенесен в Германию, и чтобы Строительный комитет образовался бы из приверженцев направления митр[ополита] Анастасия, которого принимает правительство... Он, Фену, полагает, что и митр[ополит] Евлогий с этим согласится»³⁶.

И действительно, уже 28 июля 1938 г. митрополит Евлогий заявил в саксонское министерство: «В осознании своей ответственности перед Русской Церковью, русской страной и народом, и с учетом дальнейшего существования здания Комитет согласен с предложением переноса управления зданием в Германию при условии, что Комитет будет легализован немецким правительством и будет признано его административное право на здание храма»³⁷.

³² Вильям Цимдин (1880–1951 гг.), главный жертвователь на ремонт храма в 1927 г., богатый коммерсант русско-еврейского происхождения, владелец недвижимости, отелей и казино, обладавший состоянием в Европе и США.

³³ Письмо Строительного комитета А. Ф. Фену от 27 августа 1937 г., № 1104 (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

³⁴ Mitteilung des Oberbürgermeisters an Ministerium des Volksbildung, über das Gespräch am 31. 05. 1938, a. a. O. Bl. 77.

³⁵ Aktennotiz des Ministerium des Volksbildung, 28. Juni 1938, a. a. O. Bl. 87f; см.: *Gaede K.* Op. cit. S. 231–232.

³⁶ Stadtarchiv Dresden, 13 058/44, Bl. 92; см. *Gaede K.* Op. cit. S. 232.

³⁷ An sächsisches Ministerium des Volksbildung, 28. Juni, Stadtarchiv Dresden, 13 058/44. Bl. 122. См.: *Gaede K.* Op. cit. S. 232.

В итоге стороны пришли к соглашению, что правовое положение Лейпцигского храма останется прежним, однако Строительный комитет стал «немецким». Новым председателем Комитета власти предложили избрать «лицо из русской эмиграции, пользующееся доверием германского правительства»³⁸. В дальнейшем действительное членство допускалось из лиц, живущих в Германии. Последний пункт, очевидно, должен был «нейтрализовать» самого влиятельного и деятельного члена Комитета, верного митрополиту Евлогию, А. Н. Фену, гражданина Финляндии.

Долгий процесс завершился летом 1939 г. Архиепископ Серафим подал в Имперское министерство по делам церквей просьбу о разрешении реорганизации Строительного комитета. Это решение об изменении устава Комитета содержит согласованные с властями пункты: перенесение правления в Лейпциг; назначение председателем князя С. Г. Романовского, герцога Лейхтенбергского³⁹; А. Н. Фену остается только товарищем (заместителем) председателя. Кооптируются в Комитет архиепископ Серафим и П. А. Дамманн (член прихода храма). Допускается почетное членство лиц, живущих за пределами Германии. Утверждается подчинение Комитета общине и епархии РПЦЗ⁴⁰.

По желанию нацистского правительства митрополит Евлогий сохранил пост председателя Строительного комитета до июля 1939 г.⁴¹ Новый Комитет был зарегистрирован как ферайн 16 июля 1940 г.⁴² Комитету следовало

³⁸ См.: Gaede K. Op. cit. S. 231.

³⁹ Сергей Георгиевич Романовский (4/16 июля 1890 — 7 января 1974 г.), князь, VIII герцог Лейхтенбергский, член Российского императорского дома, флигель-адъютант. Сын Георгия Максимилиановича, герцога Лейхтенбергского, внук великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. Капитан 2-го ранга, участник Первой мировой войны и Белого движения. Состоял при главнокомандующем Черноморским флотом адмирале А. А. Эбергарде. В эмиграции проживал в Риме, возглавлял Русское собрание, помогавшее немущим русским эмигрантам. Будучи по матери двоюродным братом короля Италии Умберто, после Второй мировой войны помогал русским, не пожелавшим вернуться в СССР. Почетный председатель Русского национального объединения. Скончался и похоронен в Риме. (Часовой. 1930. 15 июня, № 33; Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 2002).

⁴⁰ Регистрация «немецкого» комитета состоялась 16 июля 1940 г.: «Komitee zur Erbauung und Erhaltung der Russischen Orthodoxen Gedächtniskirche zu Leipzig, eingetragener Verein» («Leipziger Zeitung», 17.7.1940. S. 3., Vorsitzender Fürst Sergej Georgievitsch Romanovski, wohnend in Berlin und in Rom (1940); Mitglied Herzog Sergej Nikolajewitsch Romanovski). С. Г. Романовский только в январе 1942 г. прислал письмо о сложении с себя полномочий, в связи с невозможностью для него «проживать в Германии» (Протокол комитета № 4, от 27 января 1942 г.— Архив Храма-памятника в Лейпциге).

⁴¹ Первое собрание «немецкого» Строительного комитета состоялось 12 августа 1940 г. На нем председательствовал А. Н. Фену, присутствовали священник Е. Ножин, князь С. Н. Романовский и другие члены комитета (Протокол № 1, 12 августа 1940 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге)).

⁴² Leipziger Zeitung. 1940. 17. Juli. S. 3. Комитет зарегистрирован в реестре с № 2131 16 июля 1940 г.: «Komitee zur Erbauung und Erhaltung der russischen orthodoxen Gedächtniskirche zu Leipzig e. V.».

подписать с приходом договор о пользовании храмом, а его председателем был избран (по предложению Министерства) князь С. Г. Романовский. В 1942 г. Романовский навсегда уехал из Германии, и председателем Комитета был избран архиепископ Серафим (Ляде)⁴³. Второй член Комитета — князь С. Н. Романовский, герцог Лейхтенбергский — проживал в Лейпциге вплоть до призыва на Восточный фронт.

Таким образом, режиму Третьего рейха не удалось изменить собственника Храма-памятника в Лейпциге. В отличие от большинства русских храмов в Германии, которые перешли в собственность РПЦЗ, Храм-памятник остался в собственности Строительного комитета, т. е. в русских руках.

12 августа 1940 г. состоялось первое заседание «немецкого» Строительного комитета в Лейпциге, на котором присутствовал архиепископ Серафим. В связи с отъездом князя С. Г. Романовского именно Владыка Серафим был избран председателем Комитета. По воле Министерства народного просвещения Саксонии в члены Комитета принимались лица, прошедшие проверку органов нацистской партии НСДАП⁴⁴. Однако даже подчинение этим мерам ничего не гарантировало. Поэтому 25 октября 1941 г. имперский наместник в Саксонии предпринял инициативу «ввиду нынешних обстоятельств» распустить Строительный комитет в Лейпциге и закрыть русские храмы в Лейпциге и Дрездене. Инициативу эту, однако, не одобрили Министерства церковных и иностранных дел Третьего рейха. Вовсе не из добрых побуждений, а ввиду конъюнктуры, т. е. «возможных неблагоприятных внешнеполитических последствий» для Германии⁴⁵.

Р. Ф. Мертенс и А. Н. Фену попытались покинуть «немецкий» Строительный комитет, но с первого раза сделать это удалось только Мертенсу. Фену остался до середины 1942 г. 27 августа 1942 г. он уехал в Финляндию, в свое имение в городе Борго. Члены Строительного комитета Дамман и Бигош уже в феврале 1941 г. ушли на фронт, и об их дальнейшей судьбе в Лейпциге ничего не известно. Князь С. Н. Романовский попал на самый напряженный участок Восточного фронта — подо Ржев. После войны он перебрался в США. Жизнь в Строительном комитете замерла, и, казалось бы, все перешло в руки настоятеля о. Кирилла. Последний был назначен настоятелем Храма-памятника в 1941 г., сменив на этом посту о. Дионисия.

Прихожане разделились на «карловчан» и «евлогиан». Настоятель храма о. Кирилл в 1942 г. все еще произносил проповеди против «евлогиан»⁴⁶. С управлением ему было проще: будучи «германофилом» он «подружился

⁴³ Протокол Строительного комитета от 6 января 1939 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

⁴⁴ См. письменные характеристики на членов Строительного комитета, поданные Отделом кадров НСДАП на имя обер-бургомистра Лейпцига 18 августа 1941 г. (Stadtarchiv Leipzig, Кар. 42.0, N 2. Bl. 130).

⁴⁵ Письмо саксонского чиновника министру церковных дел Германии, и дальнейшую переписку см.: ВА, R901/69300. Bl. 228–232.

⁴⁶ См. письмо митрополита Серафима (Ляде) А. Н. Фену от 23 июля 1942 г. (Архив Храма-памятника в Лейпциге).

с шефом местного гестапо». До войны о. Кирилл служил настоятелем русского прихода в городе Шарлеруа (Бельгия). «В день захвата города Шарлеруа иером[онах] Кирилл (настоятель храма) приветствовал оккупантов, приплясывая на улице. Не скрывая своих германофильских симпатий, о. Кирилл самолично перевел приход в ведение Берлинского архиепископа Серафима, в проповедях неоднократно восторгался Гитлером. Люди перестали ходить в церковь, а в декабре 1940 года попытались открыть новый храм. Тогда о. Кирилл пожаловался оккупационным властям. Прихожан начали просеивать через гестапо. Самых активных “антигитлеровских подстрекателей” отправили в тюрьму. К счастью, в 1942 г. иеромонаха Кирилла перевели в Лейпциг»⁴⁷. Возможно, что при нем в Лейпциге действительно имели место отлучения от Причастия, на которые жаловалось духовенство Храма-памятника Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I в письме 1945 г.⁴⁸

После начала войны Германии против России в Лейпциг начали прибывать пленные и «остарбайтеры» из Советского Союза. Численность их в городе за первые 6 месяцев выросла до 3643 человек. Угнанные в Германию женщины были распределены как слуги в немецких семьях Лейпцига, «на неограниченное время». Первый настоятель Храма-памятника после войны протоиерей Феодор Соловьев также был из числа тех, кого в 1942 г. увезли на принудительные работы в Германию, второй настоятель Храма-памятника после войны протоиерей Георгий Романович находился в 1940–1941 гг. в лагере, настоятель архимандрит Мстислав Волоневич, согласно его биографии, также находился в 1940–1942 гг. в лагере в Германии⁴⁹. На Храм возлагалась новая обязанность: духовная забота о пленных и «остарбайтерах», живших в сооруженных нацистами лагерях для «восточных» и «иностранных» рабочих»⁵⁰.

Отношение к русским пленным и «рабочим» было жестким, посещать русский храм им разрешили не сразу. Многие послабления в отношении к русским произошли в 1943 г. в связи с поражением фашистской Германии под Сталинградом. Пленные в группах и «рабочие» стали посещать богослужения, крестили в церкви детей или венчались, имели знакомство с прихожанами — хотя последнее было строго запрещено. Прихожане в Лейпциге проявляли участие и оказывали посильную поддержку своим, из «восточных рабочих» и пленных. Известно, что настоятель Храма-памятника о. Кирилл

⁴⁷ Родионов А. Частица веры нашей, русской // Трибуна. 2004. 28 декабря. С. 7.

⁴⁸ Письмо Патриарху Алексию через протопресвитера Н. Колчицкого и протоиерея Ф. Казанского передали 11 октября 1945 г. священник Ф. Соловьев, протоиерей Г. Романович и профессор К. Д. Илич (Православные русские приходы в Германии // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 12. С. 7–8).

⁴⁹ См. автобиографии священников в архиве Храма-памятника. Биографию архиепископа Мстислава (Волоневича) см.: Журнал Московской Патриархии. 1978. № 7. С. 14–15.

⁵⁰ «Храм, наряду с его предназначением памятника, стал также духовным центром для русско-православных христиан в Лейпциге и его следующей окрестности живущим. Особенно много людей посещали богослужения во время Второй мировой войны. Сюда приходили угнанные нацистами “восточные рабочие”, если они могли получить увольнение: они черпали здесь новые силы, новую надежду на освобождение» (Ein Symbol der Freundschaft. Russische Gedächtniskirche // LVZ. 1963. 23. September).

совершал службы у военнопленных уже 25 декабря 1941 г., одну из них — в городе Дессау.

«Когда вблизи Лейпцига возникли первые лагеря, в которых содержались восточные рабочие — русские, украинцы, поляки и т. д. — то сперва им долгое время не разрешалось покидать их (лагеря). Позже они могли в сопровождении охраны заходить в храм при условии не искать никаких контактов, не исповедоваться, не принимать продукты и одежду, не оставлять письма или записки и т. д. Но в тесноте не слишком просторного храма мы делали довольно многое возможным. Они приходили, жалкие, голодные и босые, даже зимой — в башмаках на деревянной подошве. На богослужении многие душераздирающе рыдали. Под охраной они снова преодолевали путь до своих лагерей, превышавший 10 км... Примерно в 1943 г. получили мы нового священника, о. Кирилла Шимского, который загадочным для нас образом стал другом шефа Лейпцигского гестапо. Это принесло нам некоторые облегчения. Священник получил возможность с хором и со мной в качестве регента по великим праздникам, таким как Рождество и Пасха, совершать богослужения в лагерях восточных рабочих»⁵¹.

В 1941 г. именно в Лейпциге, где с XVIII в. печатались русские книги, удалось осуществить издание Нового Завета и других книг, несмотря на то что нацистские власти не разрешали печатать Библию. Типография в Лейпциге согласилась на это только при условии, что Имперское министерство по церковным делам выдаст справку о том, что книги нужны «для богослужебного употребления». Иеромонаху Иоанну (Шаховскому) такое разрешение удалось раздобыть «по знакомству», и книги, предназначавшиеся для духовных нужд русских невольников, вскоре были напечатаны⁵². Иоанн (Шаховской) вспоминает также, что производили и церковную утварь. В небольшом музее Храма-памятника донныне хранится полный «евхаристический набор»: чаша, ковшик, тарелочки той поры. Изготовлены эти предметы были из пластмассы, чего в мирное время делать для церкви, конечно, нельзя.

В октябре 1943 г. по случаю 30-летия Храма-памятника его посетил глава РПЦЗ митрополит Серафим. Торжества ограничились службами. Как вспоминает очевидец, во время торжественной процессии вокруг Храма-памятника наблюдавшие за шествием немцы «приветствовали нас традиционным немецким приветствием» (т. е. вытянутой рукой и соответствующим восклицанием).

Число венчаний и особенно крещений в Храме-памятнике в 1944 г. значительно возросло. В числе 153 крещеных, конечно, были не столько русские эмигранты — жители Лейпцига — сколько находившиеся здесь пленные. Против некоторых фамилий значится: «остарбайтер» или «арбайтер», т. е. рабочий, в некоторых случаях в качестве места жительства указан лагерь. Еще одна особенность военных лет — лица немецкого происхождения, перешедшие в православие или крещеные в Храме-памятнике. Поскольку справки

⁵¹ Шкаровский М. В. Нацистская Германия и православная Церковь. М., 2002. С. 308.

⁵² Там же. С. 272.

о крещении или формальные записи часто отсутствуют, можно судить о происхождении по типично немецким именам новых прихожан, например: Мария Ильза Ингеборг Кох.

В конце войны начались бомбардировки жилых кварталов Лейпцига. 18 апреля 1945 г. в город вступили американские войска. По ранним договорам 1944 г. между союзниками по антигитлеровской коалиции, Саксония и Лейпциг должны были войти в советскую зону оккупации. 13 мая 1945 г. внезапно уехал настоятель Храма-памятника архимандрит Кирилл, а также кассир храма вместе с кассой. 17 июня 1945 г. уехали протоиерей Н. Михненко и казначей Храма-памятника А. В. Лукьянов, также забрав с собой все имеющиеся храмовые деньги (19 791 марок) и церковные печати. Остались священники Ф. Соловьев, Г. Романович и диакон В. Москаленко. В эти дни из Лейпцига уезжали и простые прихожане: «К сожалению, и наш хор, который недавно составлял 13 человек, сократился до четырех, иногда пяти певчих. Никого из прежних певчих не осталось», — пишет сотрудница Храма-памятника⁵³. 2 июля 1945 г. после американцев в Лейпциг вступили советские войска. Начиналась новая страница жизни храма.

Следует отметить несколько фактов, имеющих только косвенное отношение к истории русских или Храма-памятника в Лейпциге. Город в годы войны, безусловно, занимал особое положение. Здесь из русских эмигрантов бывших военных и из советских пленных формировались команды для борьбы с Россией (об этом вспоминают и воевавший за немцев М. Стахович⁵⁴, и не воевавшие против России советские узники лагерей⁵⁵). Здесь же, в Лейпциге, работал так называемый Русский лекторат (Rußland-Lektorat) — орган цензуры и контроля за изданиями для русских, подчиненный Отделу прессы Главного управления имперской безопасности Третьего рейха. Сотрудниками его являлись в том числе русские эмигранты, в частности А. Ф. Лютер из правления Строительного комитета Храма-памятника. Лютер сотрудничал по части пропаганды для русских пленных с немецкими властями и во время Первой мировой войны⁵⁶. Членами РОНД и РОВС были и другие видные члены общины и члены Строительного комитета: Кривенко, С. Н. и С. Г. Романовские, А. Н. Фену и генерал А. А. фон Лампе.

⁵³ Письмо сотрудницы храма И. Финк некоему Й. Римеру 1945 г., Лейпциг (Из личного архива историка-любителя К.-Х. Кречмара).

⁵⁴ *Стахович М.* Я ни разу не стрелял в русских солдат и офицеров (Электронный ресурс: www.lipetskmedia.ru).

⁵⁵ *Мищенко Л. Г.* Пока я помню... М., 2006.

⁵⁶ «Эрих Бёме, преподаватель русского языка в Берлинской Торговой школе, привлек его (А. Ф. Лютера.— А. Т.) к одному деликатному начинанию. В Германии в 1915 г. создается организация, призванная опекать русских пленных и формировать “лагерные библиотеки”. Лютеру предложили составить простые брошюры, которые “неназойливым образом оказывали бы на пленных нужное влияние”. Литература должна была подчеркивать социальное и культурное превосходство Германии над Россией. В этой серии под названием “Родная речь”, с местом издания в “Москве”, в Берлине к 1918 г. напечатано 120 брошюр пропаганды. Печатались произведения русских авторов, которые критически освещали русскую действительность. А также — брошюры о политике и общественной жизни. Лютер редактировал

Тема русской эмиграции, в частности вопрос о бывших военных, перевезенных во время войны с Россией в Лейпциг и в округ, на территорию Третьего рейха, изучены мало. Сложно сказать, как попадали в лагеря Третьего рейха русские эмигранты стран Западной Европы. Содержали их, конечно, отдельно от русских пленных и рабочих из СССР. Но как эмигрантов, так и советских пленных здесь склоняли сотрудничать с властями. Кто-то из них действительно уходил на фронт, другие оставались в лагерях на правах невольников. Насельников лагерей в округе Лейпцига — русских пленных и рабочих — настоятель Храма-памятника о. Кирилл записывал как прихожан.

Необходимо отметить деятельность «Интернационального антифашистского комитета», организованного в Лейпциге пленным Н. Румянцевым. Группа Румянцева состояла из советских пленных, немцев — лейпцигских антифашистов и коммунистов, и антифашистов из Франции, Бельгии, Чехословакии и Голландии. Готовилось восстание, но провокатор выдал группу, и трое организаторов, в том числе Румянцев, были отправлены в Освенцим, где погибли. Имя Румянцева носит одна из улиц Лейпцига. На ней располагается и мемориальный памятник русским героям сопротивления⁵⁷.

Таким образом, перед войной и особенно во время войны община и Храм-памятник в Лейпциге испытали на себе сильное воздействие в вопросах внутрицерковного устройства и права владения храмом. Если вопрос владения храмом можно считать правовым (хотя для верующих храм — это сакральное место, а не предмет имущества), то вопрос канонической принадлежности (юрисдикции) — сакральный, вопрос принятия или непринятия Святых Таинств в Церкви, веры и верности Церкви и родине.

Исследователи приводят документальные примеры сочувствия нацистскому режиму со стороны русских эмигрантов, в том числе духовенства и иерархии. Однако из настоящей статьи следует, что симпатии к режиму не имели широкого распространения среди русских даже на территории Третьего рейха, тем более за его пределами. Одобрение вызывала часто как раз борьба

серию и писал и лично — под псевдонимами Артемьев, Дроздов, Кабанов, Никольский, Орловский, Силин. К «Родной речи» присоединилась и газ[ета] «Русский вестник» для русских пленных. Ее издавал в Берлине на русском М. В. Мейер-Хайденхаген, бывш[ий] член редколлегии «St. Petersburger Zeitung». Лютер опубликовал здесь в 1915–1918 гг., также под псевдонимами, много статей» (*Харер К.* Тройные почести: А. Ф. Лютер и его «Воспоминания» / Пер. М. Кореневой // Звезда. 2004. № 9).

⁵⁷ В Лейпциге на углу улицы Николая Румянцева (Nikolai-Rumjanzew-Straße in Leipzig-Kleinzschocher) в 1960 г. установлен памятник из гранита; надпись на нем напоминает о трех русских участниках сопротивления и их товарищах по борьбе против фашизма (1942–1944 гг.): Nikolai-Rumjanzew-Straße in Leipzig Kleinzschocher, Nikolai-Rumjanzew-Straße wurde nach N. W. Rumjanzew benannt. In Ecklage Brünner Straße findet man auch ein Denkmal aus Granit, eingesetzt 1960. Das Innschrift erinnert an drei russischen Widerstandskämpfer und Ihre Kammeraden im Kampf gegen Faschismus (1942–1944). Nikolai-Rumjanzew-Oberschule — 1968–1992 Name der 55. Polytechnischen Oberschule im Schulgebäude Ratzelstraße 26 (Meyersdorf), nach N. W. Rumjanzew benannt.

против фашистов. Сочувствие же режиму Третьего рейха части русского населения было вызвано желанием спасти Россию от большевизма⁵⁸.

Русская община сохранила Храм-памятник в Лейпциге и весь его инвентарь (около 150 единиц хранения) от серьезных утрат или хищений, почти неизбежных во время войны. Храм неукоснительно исполнял свою прямую обязанность: проявлял духовную заботу о русских пленных и «остарбайтерах».

Литература

- Гедда Н.* Дар не дается бесплатно. М., 1983.
Журнал Московской Патриархии. 1978. № 7.
Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции, 1917–1988 гг. СПб., 2005.
Мищенко Л. Г. Пока я помню... М., 2006.
Назаров М. В. Русская Зарубежная Церковь в годы «второй гражданской войны» // Вестник Германской епархии РПЦЗ (Мюнхен). 1994. № 6.
Православные русские приходы в Германии // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 12.
Родионов А. Частица веры нашей, русской // Трибуна. 2004. 28 декабря. Рубль. 1928. 16 мая, № 2270.
Русский Храм // *Neueste Leipziger Nachrichten*. 1934. 30. 12. Dezember.
Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения М., 2002.
Стахович М. Я ни разу не стрелял в русских солдат и офицеров (Электронный ресурс: www.lipetskmedia.ru).
Томюк А., прот. Русский Храм-памятник в Лейпциге в 1913 — начале 1930-х гг. // Вестник церковной истории. 2016. №1/2(41/42). С. 220–230.
Харер К. Тройные почести: А. Ф. Лютер и его «Воспоминания» / Пер. М. Кореневой // Звезда. 2004. № 9.
Царский путь архимандрита Афанасия Нечаева. Петрозаводск, 1997. Часовой. 1930. 15 июня, № 33.
Шкаровский М. В. Германская епархия во время Второй мировой войны (II): Деятельность православной Церкви на территории «Великого рейха» // Вестник РПЦЗ (Мюнхен). 2000. № 1.
Шкаровский М. В. Нацистская Германия и православная Церковь. М., 2002.

⁵⁸ *Назаров М. В.* Русская Зарубежная Церковь в годы «второй гражданской войны» // Вестник Германской епархии РПЦЗ (Мюнхен). 1994. № 6.

Ein Symbol der Freundschaft. Russische Gedächtniskirche // LVZ. 1963. 23. September.

Gaede K. Russische Orthodoxe Kirche in Deutschland in der 1. Hälfte des 20. Jahrhunderts; Köln, 1989.

Leipziger Zeitung. 1940. 17. Juli.

УДК 94(47).084 ББК 63.3(2)6

Аннотация. Статья продолжает начатую в предыдущем номере «Вестника церковной истории» публикацию истории Храма-памятника Русской Славы в Лейпциге (освящен в 1913 г.). В настоящей статье показана история Храма-памятника в 1930–1940-х гг. Предвоенная и военная атмосфера в обществе и во властных структурах Германии сильно повлияла и на русскую диаспору, и на судьбу общины Храма-памятника. Статья написана на основании архивных материалов и личных свидетельств. *Ключевые слова:* Русский Храм-памятник, Лейпциг, Русская Православная Церковь, Русская Православная Церковь за границей, Вторая мировая война, Российское освободительное народное движение, Российское национал-социалистическое движение, Третий рейх.

Summary. The article continues publication of the history of the memorial church of the Russian glory in Leipzig (sanctified in 1913), started in the previous edition. This article shows the memorial church history in 1930–1940 years. Pre-war and military atmosphere in society and in the government of Germany strongly influenced the Russian diaspora and the fate of the memorial church community. The article was written on the basis of archival materials and personal testimonies. *Keywords:* Russian memorial church, Leipzig, Russian Orthodoxy church, Russian Orthodoxy church abroad, World War II, Russian Liberation People's movement, Russian national socialist movement, Third Reich.